

«А егда не послушаю гласа того, будящего мя, и паки усну, тогда много ми беси творят во сне пакости... аз же встану тогда с печалию... и того дни крестов не делаю» (261).

Таким образом, традиционную ситуацию засыпания и пробуждения автор стремится обставить автобиографическими мотивировками и психологическими самонаблюдениями, которые служат связующим средством между двумя планами его повествования — внешним и внутренним. Разрабатывая далее этот почерпнутый из житийной традиции способ обрамления видений определенными описательными формулами передачи состояния святого (засыпание — пробуждение), автор расширяет его функцию и превращает его в прием, при помощи которого он сочетает изображения своих физических и душевных состояний.

Описания проявлений душевной жизни автора (видения, размышления, внутренние монологи) обрамляются повторяющимися сведениями о его внешнем состоянии. Перед тем как произнести монолог после первой казни на тему «горе мне бедному — как жить?», автор сообщает, что он «внидох на печь от болезни и от тоски горкия... и возлег на печи, и начах помышляти в себе сице». Окончив эти размышления, автор, «востав, сошел с печи и сел на лавке» (250). Умоляя бога после второй казни о ниспослании ему смерти, автор «падох на землю», а убедившись в тщетности этой мольбы, «востав со земли и на лавку лег» (248). Монолог автора после казни с упреками небесным силам предваряется сообщением: «Аз же грешный, в темнице един валяся по земли... всяко вопел ко господу». Закончив монолог, он повторяет: «И много тосковал, валяся по земли» (249).

Если описания размышлений автора обрамляются описанием его физических состояний, то изображение его действий по такому же принципу, но с противоположным эффектом заключается в рамку повторяющихся эмоционально-психологических моментов. Например: «И воздохнув, на небо зря... и идох к келии огорелой. А около келии приготовлено было на сенишка лесу много». Описав создавшееся положение, автор возвращается к исходной эмоции и исходному действию: «Аз же... воздохня от печали, внидох в келию огорелую» (233).

Житийной литературе иногда свойственно было фиксировать эмоции своих героев. Это выражалось, например, в стремлении передать удивление героя по поводу открывающихся перед ним необыкновенных явлений. Некий Авраамий увидел келью пылающей, но огонь внезапно, силою молитвы, исчез, «Авраамий же отъиде... чюдяся бывшему».³⁹ Епифаний гораздо чаще отмечает такую же свою психологическую реакцию на происходящее (как во сне, так и наяву): «зрю... на Ефросина и дивлюся» (244), «да и сему аз... много дивлюся... ни котороу снастию ни руки, ни ноги... ни порезал, соблюдает мя благодать» (261).

Если в житиях описание психологической реакции героя не выходит за пределы упомянутых отдельных констатаций, то Епифаний, освещая как бы изнутри открывающиеся перед ним картины видений, получает возможность последовательно сопровождать их фиксацией своих чувств. Так, например, видение двух вырезанных «языков» описывается под знаком непрерывно возрастающего удивления автора (дивлюся-дивяся-чюдяся), сопровождающего развитие действия: «дивлюся красоте... поля того, и вижу... лежат два мои языка... взял рукою... язык... дивися... красоте его... начах... руками моими превращати, чюдяся ему...». Это чувство удивления, передаваемое при помощи нагнетения синонимов, не только пронизывает развитие всего видения, но распространяется за его преде-

³⁹ Повесть о Мартирие..., стр. 58.